

В.А. Соловьев

**ПОДВИГ
СОТНИ ГРЕЧИШКИНА**

*«Два чувства дивно близки нам
-В них обретае сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам...»
А. С. Пушкин*

В начале сентября 1829 года начальник правого фланга Кавказской линии генерал-майор Антропов получил от разведки известие, что, несмотря на приближающийся конец русско-турецкой войны, турецкая агентура сумела подтолкнуть темиргоевских князей Айтековых Шумафа и Джембулата к нападению на кордонную линию с целью отвлечения российских регулярных войск. Оценив свои силы, Антропов приказал полковнику Войска Донского Залещенскому с 250 казаками и одной пушкой прикрыть линию между станицами Темижбекской и Григориполисской, сам же с тремя сотнями солдат Навагинского полка прикрыл Прочноокопское направление.

Командир Навагинского полка Пирятинский, узнав от лазутчиков о появлении за Кубанью отрядов горцев и турок под командой Сеид-Ахмета паши, с отрядом пехоты и казаков направился к речке Фарс. Однако Пирятинскому ни турок, ни горцев обнаружить не удалось, ибо они сумели укрыться в лесах кавказских предгорий.

В это же время командир Кавказского линейного казачьего полка майор Роберт Карлович Васмунд, получив сведения от мирных горцев о сборе темиргоевских князей для набега на линию и не получая об этом известий ни от Антропова, ни от Пирятинского, решил самостоятельно провести разведку степной местности за Кубанью. Находясь в своей штаб-квартире, которая по-прежнему размещалась в станице Тифлисской, Васмунд вызвал к себе местного сотника Андрея Гречишкина и приказал ему сделать разведывательный рейд по междуречью Кубани и Степного Зеленчука (р. Терс) с целью проверки полученных им сведений о сборе горцев для набега.

Андрей Леонтьевич Гречишкин родился в семье первого командира Кавказского линейного полка есаула Леонтия Ивановича Гречишкина, одного из первых основателей станицы Тифлисской. Когда и где он родился - сведения не сохранились, но скорее всего на Дону. С малых лет постоянно находясь среди казаков, Андрей вместо сказок слушал казачьи былины, учился владеть конем и оружием. По настоянию отца, не постигшего тайны грамоты, он изучал ее по церковным книгам у станичного дьячка, а позже у полковых писарей. Летом верхом на лозине "казаковал" по пыльным улицам станицы, а с наступлением снежных зим катался на санках с Руднева кургана, восточнее которого возвышались батареи разоруженного Тифлисского редута. Подростком, как и все его сверстники, Андрей принимал участие в скачках на станичном выгоне, а позже состязался в рубке лозы и глиняного чучелка, а затем и в стрельбе из ружья.

И бывало, получал призы: отрез материи на черкеску или бешмет. Иногда же наградой была уздечка или плетка. И какое счастье светилось в глазах Андрея, идущего по станице с заработанной наградой, на зависть своим сверстникам.

Местное начальство и ветераны былых походов поощряли ратные игрища, ибо среди казаков воспитание молодого поколения основывалось в основном на преданиях былой славы - на вере, на удалстве и молодечестве, вырабатываемых в постоянных военных упражнениях и состязаниях.

Женат был на местной казачке, детей не имел. Бог не обидел его ни природным умом, ни сметкой, ни казачьей удалью. Личное хозяйство имел справное, в котором содержал двух верховых лошадок кабардинской породы, одна из которых была постоянно под седлом, чтобы сотник мог первым выехать при объявлении тревоги на линии к месту постоянного сбора на церковную площадь.

История не оставила сведений, как в таких случаях он, казачий офицер, действовал, но как действовали другие, мы со слов современника Гречишкина знаем. Вот как это было: "Послышался один, другой удар в церковный колокол, и зазвонили в набат. Станица ожила. Женщины бежали по улицам к церкви - станичной цитадели, бормоча: "О Боже мой! Проклятые черкесы! Мати Пресвятая Богородица, спаси нас! Батюшки, что с нами будет?" и пр. Послышался топот казаков, скакавших на сборное место, т.е. на церковную площадь...

Там было печальное зрелище. Казачки всех возрастов целовались с казаками, которые нагибались с коней: каждая опасалась, что в последний раз целует сына, брата, мужа. Гул звона сочетался с рыданиями прощавшихся женщин, с криками урядников, устраивавших, сколько можно, порядок.

Капитан прискакал - заревел: «Стройся!.. Смирно! В два коня направо, рысью марш! Правое плечо вперед! За мной!»
(Хамар-Дабанов Е. Прodelки на Кавказе. Спб, 1844).

Вот примерно так уходили в бой казаки и в Тифлисской по команде местных сотников, и маленький Андрей с другими казачатами бежал следом по пыльной дороге до станичных ворот, чтобы проводить, может быть навсегда, отца, брата или соседа.

Проходило какое-то время - и жители станицы слышали, как у Западных (Ладогских) или Полевых, а то и у Восточных (Казанских) ворот слышалась ружейная пальба - сигнал, что ушедшие в бой казаки возвратились.

Современники тех лет отмечали, что ружейная пальба казаков при возвращении в станицу - "эта линейный обычай: казаки, возвращаясь в свои станицы с похода или погони, когда имели бой с неприятелем, перед входом открывают ружейную пальбу. Казачки выходят к воротам и встречают своих, нередко убитых и раненых. Странное

зрелище этой толпы, в которой иные изъясляют шумные признаки истинное или притворной радости, другие под слезами и рыданиями оказывают искреннюю либо ложную печаль".

Примерно так же выезжал на погони или в походы и Андрей Гречишкин, будучи молодым казаком, и имея уже офицерской чин, ведя в бой вверенных ему казаков.

Со временем молва о его храбрости и великодушии разнеслась не только по соседним станицам, но и по закубанским аулам, что впоследствии послужило его сближению с видными закубанскими джигитами. Одним из них был князь Джембулат Айтеков.

В те годы подобные сближения часто заканчивались куначеством. Стали кунаками и Андрей с Джембулатом. Возможно, чтя приятели, встречаясь где-нибудь за Кубанью, обменивались новостями и подарками, но, как говорят скромные источники, вопросов войны кунаки никогда не касались.

Но однажды князь как бы не сдержавшись, заметил с мрачным видом:

"Андрей, наши против казаков, и в первую очередь против тебя, что-то замышляют, так что берегись".

И за что же мне такое внимание?

Разве ты не помнишь, как три года назад мы хотели напасть на ваши хутора, а ты не дал?

Конечно, помню.

Была и моя вина в той неудаче, недооценил я твое удальство, за что и потерял пятьдесят наездников.

Помню, помню это зимнее дело, - ответил Гречишкин.

Ну, если помнишь, то берегись, наши законы требуют крови, ибо на нее сроков нет.

Я это знаю, а ты передай им, что если они мне попадутся, то будет так же, как в то зимнее утро, когда ты пытался напасть на наши хутора.

Кунаки расстались, и, возвратившись в станицу, Гречишкин рассказал кому-то из близких ему казаков о предупреждении князя отомстить за давнее поражение.

Произошло это 17 января 1826 года, в сильные морозы, когда воды Кубани уже были скованы льдом. Набросав на лед сено у Параскиной балки (в трех верстах ниже станицы Тифлисской), чтобы никогда не кованные лошади не падали, горцы перед рассветом перешли Кубань в количестве пяти - семи сотен наездников и во главе с князем Джембулатом направились к хуторам, что цепочкой тянулись вдоль реки Бейсуг. Однако конный разъезд обнаружил переправу и выстрелами поднял тревогу. На ближнем пикете тут же загорелся маяк, а в Тифлисской, Казанской и Ладогской ударили в набат, и пушечные выстрелы разнесли сигнал беды по линии.

Собравшиеся по тревоге сотни поскакали к месту прорыва границы. Тифлисскую сотню повел Гречишкин, казанскую - сотник Бабалыкин, а из Ладогской - сотник Чуйков.

Поняв, что они обнаружены, Джембулат повернул назад, но в этот момент по горцам ударила сотня Гречишкина, и они, отстреливаясь, начали отходить к спасительному селу, где можно было уйти за Кубань. Однако прискакавшие туда казаки из Тифлисской сено со льда убрали, а сами залегли с ружьями на левом берегу. И как только передовые толпы горцев подошли к берегу, их встретил ружейный залп. Горцы замешкались, а тут подошли прыгать с обрывов на лед и пробиваться к месту переправы, но сено там было убрано, лошади скользили по льду, падали. К тому же неокрепший лед начал проваливаться, вызвав новые потери среди горцев. Неудача, особенно невозвратимая потеря воинов, озлобила их, и они решили отомстить, выбрав для этого удобный момент. И свое решение они реализовали спустя три года.

Почему князь предупредил Гречишкина о готовящемся нападении горцев - история молчит, но известно, что куначество с незапамятных времен считалось среди горцев святым делом. Схватить кунака в сакле горца недруги могли только через труп хозяина. И даже оскорбление кунака становилось его личным оскорблением, ибо кунак становился как бы членом семьи горца. Впрочем, если кунак пересекал границы владений горца, то вышеуказанные правила уже не соблюдались.

Получив приказ полкового командира на разведку, Гречишкин 14 сентября собрал из своей сотни только двух урядников и 20 казаков. Остальные уже были задействованы по службе. Этого же числа казаков для выполнения поставленной задачи было недостаточно.

В связи с этим Гречишкин, по приказу командира полка, должен был пополнить свою сотню в станице Казанской казаками 5-й сотни.

Построив своих казаков на церковной площади, после молитвы в станичном храме Гречишкин повел их строем по улице Красной к восточным воротам станицы, где жены и матери отдали уходящим в неизвестность свой последний поцелуй. Была ли среди казачек и жена сотника Фекла Сергеевна, станичные предания ничего не сохранили. Возможно, была. И уже отъехав от оборонительной ограды станицы, казаки, повернувшись в седлах, все оглядывались на женщин, стоящих у ворот, над которыми на черной доске четко выделялась надпись: «Станица Тифлисская Кавказского линейного полка».

Не успели скрыться из вида провожающие, как справа от дороги казаки увидели распахнутые ворота Тифлисского поста, у которых толпились все свободные от службы казаки, и веселыми возгласами и пожеланиями проводили своих земляков-станичников в поход. Возможно, казаки Гречишкина пели старинную донскую песню, сложенную безвестным автором:

Как за речкой, да за Кубанью,
Там ходил, гулял казак молодой.
Ой, молодой казак,

Да с Дона тихого,
Он ходил, он гулял,
Да коня там выпасал.
Он коня, да, выпасал,
Да суху травушку нарвал.
Суху травушку нарвал,
Да свои раны прикрывал.
Ох вы, раны, мои раны,
Вы горячие мои,
Вы горячие мои,
Да все кровью изошли.

А возможно, и не пели, и только глухой топот копыт по пыльной дороге провожал мерно покачивающихся в высоких седлах казаков, углубившихся в свои думы.

Прибыв в станицу Казанскую, основанную у одноименного редута, перенявшего свое имя от одного из старейших полков российской армии, сформированного Петром Великим в 1700 году, Гречишкин вручил начальнику станицы приказ командира полка, согласно которому его сотня была пополнена 38-ю казаками во главе с урядником, имя которого позже было утеряно. Необходимо отметить, что в некоторых документах называют другую цифру - 42 казака.

Рано утром 15 сентября Гречишкин построил в пешем строю на церковной площади свою сборную сотню и приказал урядникам проверить у казаков крепление кремней в зажимах курков ружей и пистолетов, а также наличие полного комплекта патронов.

Все рукописные и печатные источники, сохранившиеся до наших дней, ничего не говорят о том, сколько в то осеннее утро стояло в строю на церковной площади станицы Казанской урядников, как и сколько их было из каждой отдельна станицы.

Ничего не известно и о том, был ли вообще составлен общий список казаков, уведенных сотником Гречишкиным за Кубань. Покинув станицу через южные ворота, Гречишкин повел казаков к броду через Кубань. А после переправы сотня двинулась на юг, предварительно выслав вперед дозор на дистанцию ружейного выстрела.

Слыша за спиной равномерный топот копыт отдохнувших за ночь лошадок, Гречишкин вспоминал приказ командира полка:

"Осмотреть Закубанье до Степного Зеленчука, особое внимание обратить на район Песчаного брода, и если на маршруте будут найдены следы горцев, то их не преследовать и в бой не вступать, а немедленно возвратиться назад".

Зная местность, он рассчитывал выполнить приказ за световой день и утром отрапортовать командиру полка о результатах разведки.

Позже казак станицы Казанской Василий Русин рассказывал, что Гречишкин вел сотню переменным аллюром: то рысью, то шагом. Проехали лесок, деревья которого уже начали раскрашивать свои летние наряды цветами ранней осени. Трава на пути казаков блестела росой под лучами восходящего солнца, и даже пробежавший по ней заяц оставлял хорошо заметный след. Казаки ехали молча - на душе было какое-то нехорошее предчувствие, и только топот копыт да звон столкнувшихся стремян нарушали тишину закубанской степи. Сотня двигалась на юг в сторону речки Псенаф, правого притока Степного Зеленчука, который позже стал называться Зеленчук-2. К полудню казаки проехали более половины расстояния до реки, никого не встретив и не обнаружив следов горцев. Но не доезжая верст семь до устья Псенафа, передовой дозор заметил конские следы на примятой траве. Подъехавший Гречишкин определил, что след шел со стороны Псенафа, но затем резко поворачивал на север к левому берегу Кубани.

Это несколько озадачило казаков, но после обсуждения все решили, что здесь прошел русский отряд с пушкой, которая оставила после себя глубокую колею. У горцев в те годы пушек еще не было. **«Но откуда тут могли появиться русские солдаты? Почему они вначале шли в сторону Песчаного брода, а затем резко повернули на север? Может, они получили известие, что горцы готовятся напасть на Ладогскую, где в те дни была ярмарка? Что делать?»** - думал Гречишкин. И решил точно выполнить приказ командира полка, который обязал его обнаружить горцев.

И опять казаки едут за своих сотников среди степного безмолвия, нарушаемого только пением птиц да конским топотом. Когда до Песчаного брода оставалось версты три, дозор, а затем и сотник, заметили скачущего вдалеке всадника. Шел он рысью навстречу казакам, но вдруг резко свернул в сторону и скрылся за ближайшим пригорком.

Кое-кто из казаков предложил его догнать, но Гречишкин считал это бесполезным и решил, что появление всадника, который уклонился от встречи с казаками, говорит о том, что неприятель недалеко.

- Ружья - вон! - командовал Гречишкин, доставая из чехлов свою винтовку. Сотня молча выполнила команду. Продвигаясь вперед, казаки приближались к месту, известному ныне под названием Волчьих ворот. В это время из балки, что была впереди, появились три всадника и остановились на месте, всматриваясь едущих казаков. Это оказался черкесский дозор. Где-то поблизости должны были быть и основные силы горцев. Вскоре казачьи лошади стали проявлять беспокойство, настораживать уши, некоторые даже заржали, пугливо поглядывая в заросли кустарников вдоль Зеленчука. От реки раздалось ответное ржание. И в этот же момент казаки увидели, как из головного дозора скачет к ним, размахивая папахой, казак станицы Тифлисской Анисим Сабельников.

- Черкесы! С нами Бог! - выкрикнул он, подскакав к Гречишину, а за ним следом на рысях двигалась толпа горцев. По трепыхавшемуся над головами передних всадников

значку Гречишкин, определил, что это люди князя Джембулата. Горцев было во много раз больше его неполной сотни. Гречишкин крикнул:

- Иван Кустов! У тебя конь добрый. Давай наметом в Казанскую за резервом!

Пошел!

Кустов резко крутанул коня на месте и, хлестнув его плеткой, пустился во весь дух на север, оставив после себя облако густой пыли. С десятков горцев кинулись за ним, стреляя на скаку ему след. Резвый конь унес Кустова, горцы отстали и возвратились назад.

А Гречишкин скомандовал:

- Сотня, слезай! Повод в руки! Ружья к бою! Как набегут, палить без команды, но цельно! Отходим к Кубани! Пош-ш-ш- ли-ии!

Сотник понимал, что в конном строю его казаки удара горцев не выдержат, уж слишком большой перевес был на их стороне. Надо было принять меры, чтобы сотня продержалась до подхода резерва. Казаки, не раз бывшие в боях, тоже понимали, что, если отход превратится в бегство, то горцы их всех перерубят.

И спешенная сотня стала шагом отходить на север, на ходу отстреливаясь от набегающих всадников. Видя, что казаки в конном строю боя не приняли и не разбегаются в панике, а после каждого их выстрела в сторону отбегает горская лошадь уже без хозяина, горцы тоже начали спешиваться и издали вести по казакам прицельный огонь. Это сразу же вызвало у казаков потери. Казаки, не останавливаясь, подбирали убитых товарищей и, перебросив их через седло, продолжали, отстреливаясь, отходить на север. Раненых же казакам приходилось сажать в седло, а некоторых и поддерживать, что отвлекало часть их от боя.

Сотник Гречишкин был ранен буквально в первые минуты боя, и виной этому могла быть или его внушительная фигура, или обер-офицерские эполеты, которые и привлекли к нему внимание неприятельских стрелков. Но и будучи раненым, он продолжал отстреливаться, поглядывая с тревогой на север, в сторону Казанской, ожидая увидеть в той стороне облако пыли, поднятое идущим на выручку конным резервом. Однако вместо этого он видел на голубом небе только купы белоснежных облаков, среди которых делали плавные круги степные орлы. Пространство между Зеленчуком и Кубанью оглашалось только людскими криками да треском ружейных выстрелов. Резерва не было. Неизвестно, как бы повел себя Гречишкин, узнав, что Ивана Кустова он послал в Казанскую напрасно. Проскакав одним духом около 20 верст и перейдя вброд Кубань, Кустов влетел в Казанскую. И каково было его отчаяние, когда оказалось, что конного резерва нет - его направили на преследование нарушителей границы.

А свободные казаки все ушли за Кубань с Гречишкиным. Послал ли после этого начальник станицы сигнал тревоги в соседние станицы - неизвестно. Вероятнее всего, послал.

А тем временем Гречишкин со своими казаками продолжал вести неравный огневой бой с черкесами. И, видя, что казакам долго не продержаться, вскричал:

- Казаки! Ребята! Нас осталось мало, но мы будем верны присяге царской и вере православной. Давайте же с помощью Божьей биться до последнего вздоха! Пусть о нас будут петь в станицах песни! Уж если сегодня и суждено нам сложить головы, то давайте умрем так, чтобы о нас в родных станицах помнили, а в церквах служили по нас панихиды!

- Вестимо, - отвечали станичники, **- присягу помним и за себя постоим и за веру православную.**

- А коли так, - крикнул Гречишкин, **- сбантуй лошадей! Быстро!**

С изумлением смотрели горцы, даже перестав стрелять, как казаки, работая плетками, быстро поставили лошадей в круг, а затем в треугольник, и по команде разом закололи их кинжалами. С горестным ржанием падали боевые товарищи казаков на землю, чтобы своими трупами послужить защитой хозяевам, которые выложили их на бруствер. До слез было жалко казакам лишать жизни своих верных друзей, тем более, что это были личные лошади, которых они знали с первых дней их земного существования. Заколот своего драгоценного кабардинца и Гречишкин. Плакал душой, но заколот - так было надо.

Уцелевшие участники боя не оставили истории сведений, как казаки уложили в бруствер «редута» тела лошадей. Однако расчет показывает: если взять длину туловища лошади в 2 метра, то, уложив их в один ряд, казаки имели бы периметр "редута" в 120 метров при высоте около метра и со сторонами в 40 метров. Но при такой высоте бруствер слабо бы прикрывал его защитников. Поэтому, скорее всего, казаки уложили лошадей в два ряда, сократив стороны треугольника до 20 метров, но подняв при этом высоту бруствера в два раза.

После стало известно, что горцы даже несколько растерялись, видя, как казаки в две-три минуты сложили вокруг себя дымящийся кровью «редут», чему они, растерявшись, не могли помешать. Уложив в середину «редута» убитых и раненых, казаки залегли за кровавым бруствером, чтобы принять последний в своей жизни бой.

Стоящие вокруг толпы горцев не стреляли, а затем направили к казакам двух всадников, размахивающих белыми платками. Когда горцы приблизились, Гречишкин узнал в одном князя Джембулата, вторым был Хопуш - его любимый уздень.

- Кто у казаков старший? - крикнул князь по-черкесски, хотя и знал русский язык.

Сотник Гречишкин поднялся из-за бруствера и назвал себя, от чего Джембулат даже вздрогнул и несколько придержал лошадь. Казаки это заметили и поняли, что Джембулат сказал Гречишкину.

- Говори громче, так, чтобы и казаки мои слышали, - крикнул Гречишкин. Этим он хотел, чтобы казаки, знавшие язык гор, были в курсе переговоров и могли содержание их передать своим товарищам.

К тому же многие знали, что князь с сотником кунаки. И состоялся примерно такой разговор.

- Не здесь бы нам с тобою встретиться, кунак Андрей, - сказал князь.

- Не мы, а Бог устраивает встречи, - спокойно ответил Гречишкин.

- Верно. Но тот, кто ее сегодня устроил, не думал о твоём благе. Если бы на моем месте был другой, то вам с этого места не уйти.

- А мы и не собираемся уходить.

- Напрасно, Андрей. Подумай, вас осталось 20 - 30 человек, а нас тысяча. Вас никто не осудит за сдачу. Ты будешь не пленником, а кунаком, да и с голов твоих казаков не упадет ни один волос. Я позабочусь об этом, ибо помню твой хлеб-соль. А мы, горцы, ценим гостеприимство.

- Меня удивляет твое предложение, - прервал князя Гречишкин, **- ты же знаешь, что ни я, ни мои казаки живыми оружия из рук не выпустим, не на то мы давали присягу.**

Джембулат на это промолчал и, повернув коня, шагом поехал к своим соплеменникам, которые с нетерпением ожидали конца переговоров. Казаки же, прослушав этот разговор, посоветовались между собой и единогласно решили, что другого выхода у них нет, как сражаться до последней капли крови. Горцы тоже обсуждали этот вопрос. **«Казаков мало, - говорил им Джембулат, - а значит, и славы мало, да и добычи не будет, а казаки, приняв решение умереть, раньше перебьют многих наших джигитов».**

В споре горцы разделились на две партии: атаковать или отойти. У князя было много сторонников, но большинство ему кричало в лицо:

- Ты советуешь нам оставить казаков в покое? А скажи, что делает кошка, когда увидит мышь? Разве она спрашивает совета, что ей делать? По закону кровь требует крови! Да и не для одной добычи мы пошли с тобой в набег: надо дать возможность молодежи попробовать свои силы!

Долго спорили горцы, разбившись на группы, однако партия войны победила, и горцы, дав залп из ружей, забросили их за спину и, выхватив пашки, бросились в конном строю в атаку. Бросились храбро, но кони их не желали подходить к страшному «редуту», сложенному из конских трупов, залитых кровью. И сколько

наездники, бросив шашки в ножны, ни били их плетками, кони становились на дыбы, бросались в стороны, и тем только подставляли своих владельцев под пули казаков.

Маленький «редут» превратился как бы в вулкан, окутанный клубами порохового дыма, из которого с треском вылетали молнии ружейных выстрелов, заставляя горских лошадей терять своих всадников. Подобрал несколько десятков своих убитых и раненых, горцы с проклятиями отошли на безопасное расстояние и стали совещаться: что делать? Атаковать снова или отойти? Партия войны снова победила.

Казаки видели, как горцы спрыгнули с лошадей, передав поводья коноводам, надвинули на глаза папахи и, подвернув рукава черкесок, выхватили шашки.

- Ну, станичники, - крикнул Гречишкин, - теперь держитесь твердо! Сейчас они пойдут на приступ! Стойте намертво, да цельтесь лучше, чтобы ни один заряд не пропал даром! Если не успеет к нам подойти помощь, то это уже не наша вина! Мы сделали все, что смогли, и теперь остается только умереть!

Подойдя быстрым шагом к «редуту», горцы пронзительно гикнули и, размахивая шашками, храбро бросились к «редуту», пренебрегая жизнью. Дружный залп в упор смешал горцев, а второй вообще отбросил их на дальность ружейного выстрела. С проклятиями отходили горцы к лошадям, унося с собой убитых и раненых.

Наступило затишье в стрельбе. В это время часть конницы зашла в тыл казакам и отрезала их от Кубани. Этим Джембулат хотел заставить казаков прекратить сопротивление и сдаться.

Спешенные горцы, вытянувшись в две цепочки, отрезали казаков с севера. Джембулат еще раз попытался оставить казаков и отойти за Зеленчук, но его речь заглушали вопли разъяренной толпы: «Неужели волк, держа зайца в зубах, отпустит его живого? Надо атаковать, пока не подошла к казакам помощь!»

Ничего не ответил крикунам Джембулат и, повернув коня, снова направил его, понуждая плетью, на очередной разговор с Гречишкиным.

- Андрей, - крикнул он, - мои воины, знай это, перестали мне повиноваться, видя гибель своих товарищей! Я их больше не могу удерживать!

- Делай свое дело, князь, - ответил Гречишкин, - и пусть будет то, что нам определено судьбой!

Джембулат поворотил коня к ожидавшим его воинам, тайно надеясь уклониться от продолжения боя. Князь медлил, рассчитывал, что, заслышав шум боя, прошедший мимо этих мест русский отряд может возвратиться. Да и ускакавший казак может привести казачий отряд на выручку Гречишкину. Однако помощи казакам все не было, а дозорный горец, стоящий на кургане, что и ныне возвышается ниже Песчаного брода, продолжал подавать сигналы, что в степи со стороны Кубани «все тихо».

Бой начали подошедшие спешенные горцы. Имея в своем распоряжении, кроме оружия азиатской работы, еще и английские нарезные винтовки, горцы начали обстреливать казаков с дальнего расстояния, к тому же принесенный ими легкий фальконет скоро вывел из строя двух казаков. Считая, что этот обстрел подавил сопротивление казаков, горцы возобновили атаку. Сурово смотрели казаки на приближавшегося неприятеля, грозного не только своим количеством, но и умением сражаться. Многим казакам уже приходилось смотреть в глаза смерти, но молодым было очень страшно видеть, как на них идут огромные толпы горцев, страшных в своем молчании.

Джембулат пытался уклониться от этой атаки, но насмешки горцев заставили и его выхватить шашку и принять участие в третьей атаке на «редут». Подойдя на выстрел, толпы гикнули и бросились сразу со всех сторон на казаков. Залп в упор свалил несколько десятков воинов, но остальные, идя по трупам своих товарищей, за те секунды, что потребовались казакам для заряжения ружей, сумели растащить с одной стороны бруствер «редута», и толпа горцев человек в 30 с гиканьем ворвалась в «редут». И тут вспыхнул скоротечный в своей ожесточенности рукопашный бой. Как у М.Ю.Лермонтова:

***Бой длился. Резались жестоко,
Как звери, молча, с грудью грудь...***

В первые же секунды какой-то казак тяжело ранил из пистолета князя Джембулата в предплечье. Уздени подхватили князя на руки и тут же вытащили его из «редута», чтобы отвести на соседний курган, где Хануш сделал ему перевязку.

К этому времени резня в «редуте», где противники в тесноте, грудь с грудью, работали шашками и кинжалами, закончилась в пользу горцев. Масса горцев буквально задавила горсть казаков - на каждого защитника «редута» приходилось по десятку нападавших. Так полегла у Волчьих ворот сотня Гречишкина.

Наступила тишина. Ветра в тот день не было, но потянувший со стороны Кубани слабый ветерок, вдруг, завихрившись, поднял небольшое облако пыли, которое горцы приняли за подходивший казачий резерв. Взяв в «редуте» все ценное, подобрав своих раненых и убитых, направились они к Песчаному броду, чтобы уйти за Зеленчук. Мертвые казаки, лежа в лужах крови, ожидали отпевания и честного погребения, раненые, получив по нескольку ран, были в беспомощности.

Уцелевший в этой страшной резне казак станицы Казанской Зиновий Пахомов позже вспоминал, как он, изнемогая от потери крови и тяжести, лежащих на нем мертвых товарищей, будучи в сознании, откинул в сторону руку, а на пальце у него было серебряное обручальное кольцо. Оно привлекло внимание горцев, обиравших трупы, которые кинулись снимать кольцо с пальца и второпях не смогли это сделать, хотели отрезать палец, но один из них, послунявив палец, снял кольцо. «Верно, Богу угодно

было сохранить мою жизнь через того черкеса, который снял кольцо, иначе у меня не хватило бы силы выдержать минуту, когда отрезали бы палец, я выдал бы себя, и тогда еще одною жертвою увеличилось бы число павших героев».

(Гос. архив Краснодарского края, ф. 670, оп. 1, д. 5, л. 25).

И казак Пахомов, то приходя в сознание, то впадая как бы в небытие, все ждал, когда же подойдет со стороны Кубани помощь. Но она, к сожалению, в тот день так и не появилась.

Позже стало известно, что, так как в Казанский резерв не оказалось, то начальник станицы догадался послать гонца в отряд полковника Широкого, след которого Гречишкин видел недалеко от Степного Зеленчука. К тому времени полковник Широкий стоял на темиргоевской дороге, где и получил известие о попавших в беду казаках. Немедля, он тут же направил есаула Бирюкова с отрядом казаков и двумя пушками им на выручку, но было поздно. Сотня Гречишкина погибла. Хотя Бирюков и торопился, но, сдерживаемый пушками, смог прибыть к месту боя лишь к утру 16 сентября, когда над погибшими казаками уже начали кружить хищные птицы.

Передовой дозор обнаружил в версте от Степного Зеленчука, среди оврагов, спускающихся к реке, страшный треугольник, сложенный из мертвых лошадей, залитых потоками засохшей крови. А внутри...

С ужасом смотрели казаки Бирюкова на кучи трупов, лежащих в лужах крови, расprostертых и изрубленных. В лошадином «редуте» лежало целое кладбище, среди которого валялось поломанное оружие, окровавленные и посеченные пулями седла, уздечки, предметы одежды. Когда спешившиеся казаки начали растаскивать лошадиный «редут» и выносить из него тела погибших казаков, трудно узнаваемых из-за изрубленных лиц, да к тому же покрытых коркой застывшей крови, то оказалось, что восемь из них подают признаки жизни.

Уцелели они случайно, будучи завалены телами позже погибших товарищей, и горцы в спешке и ожесточении этого не заметили. После того как убитых сложили в один ряд, а раненых после срочных, чем Бог послал, перевязок, в другой ряд, их пересчитали. Первым среди убитых лежал сотник Гречишкин, затем три урядника (отличили по лычкам) и 45 казаков. Ранеными, как позже установили, оказались: Ефим Никитин, Василий Русинов, Терентий Кудрявцев, Климентий Дейкин, Зиновий Пахомов, Филипп Махров, Михаил Коренев и Филимон Пахомов. Все эти страдальцы имели по несколько ранений, огнестрельных и рублено-колотых, от которых некоторые скончались еще по дороге к родным станицам, другие - несколько позже.

Как стало известно некоторое время спустя, горцы, отходя за Степной Зеленчук, угнали с собой двух легко раненных казаков, уже известного нам Анисима Сабельникова и Никиту Аскольского - первый в том же году сбежал из плена, а Аскольского, как человека довольно зажиточного, выкупила родня, собрав нужную сумму денег.

Горцы же, как рассказывали сами участники набега, потеряли всего 20 человек убитыми и ранеными, в число которых входил и сам их предводитель - князь Джембулат. Однако, судя по ожесточенности боя, в котором казаки стреляли в атакующих горцев только в упор и с близкого расстояния, потери у горцев были гораздо больше. Это позже подтвердили мирные горцы, приехавшие на ярмарку: когда люди Джембулата возвращались домой, то они насчитали более 80 трупов, завернутых в бурки и привязанных к седлам, раненых же насчитали всего 32 человека. Эта цифра вызывает сомнение, так как известно, что в любом бою раненых всегда бывает значительно больше, чем убитых.

По сведениям, которые хранились до 20-х годов нашего века в архиве станицы Казанской, у раненого казака Василия Русинова казаки, которые его перевязывали, насчитали 10 ран: обе ноги прострелены навывлет выше колен с повреждением костей, грудь разрублена шашкой в двух местах, четыре раны от шашки на голове и две на шее. Видимо, пулевые ранения казак получил при отходе, а колотые и рубленые при резне в «редуте» или когда горцы добивали уже поверженных на землю защитников «редута».

У казака той же станицы Зиновия Пахомова насчитали 18 ран: обе ноги прострелены четырьмя пулями навывлет с повреждением берцовых костей, четыре раны от шашки в голову, две таких же раны на шее, четыре на груди и три на спине, да к тому же разрублено плечо.

У третьего раненого, казака станицы Тифлисской Климентия Дейкина, было насчитано тоже 18 рублено-колотых ранений. Видимо, при отходе судьба его миловала, все пули горцев прошли мимо него, а вот когда горцы ворвались в «редут», то тут ему и досталось, но сведений, куда именно, не сохранилось.

Какое же надо было иметь богатырское здоровье и волю к жизни, чтобы выдержать такие ранения при большой потере крови, да еще и выжить, и это при печальном состоянии на Кубани тогдашней медицины. Как считают казаки, этих страдальцев отчасти спасли конские хвосты, зашитые в папахи, которые выдерживали прямой удар шашки по голове. Вот от них-то, этих мужественных воинов, принявших неравный бой и выживших, несмотря на множественные ранения, история и узнала подробности уже известного нам боя сводной сотни неполного состава под командой сотника Андрея Гречишкина с горцами князя Джембулата.

Как были доставлены раненые и погибшие казаки с места боя в станицы, достоверных данных нет. Скорее всего, их вначале повезли казаки есаула Бирюкова на своих лошадях, ведя их в поводу. Затем, когда подошли повозки из Казанской, их переложили на них. Необходимо отметить, что нет точных сведений и о числе казаков, доставленных в родные станицы для погребения. На эти вопросы рукописные и печатные источники дают разные ответы. Так, Ф.Щербина в книге "Очерки борьбы русских с черкесами", вышедшей в 1912 году в Екатеринодаре,

утверждает, что в станицу Казанскую было доставлено 30 погибших казаков, а в другом источнике - 37 и т.д. В журнале «Кубанский сборник» № 12 в статье «Боевые эпизоды» сказано, что в станице Тифлисской преданы земле Андрей Леонтьевич Гречишкин и 57 его сподвижников», тогда как он увел оттуда в два раза меньше казаков.

Вечером 16 сентября 1829 года тела погибших казаков доставила к южным воротам станицы Казанской. Мы не знаем, как их переправили через Кубань. Нам сейчас даже трудно представить, как бросились казачки к первой подводе, поднявшейся на обрывы правого берега, всматриваясь в искаженные смертной мукой лица погибших казаков. Каждая, творя молитву, в душе думала, захлебываясь слезами: «Господи, пронеси мимо беду мою! Пресвятая Богородица, сохрани кормильца! Не оставь сиротами детей моих!» А увидев родное лицо, залитое засохшей кровью, хватаясь за борта повозки, заходила в горестном вопле.

Присутствующий при этом начальник станицы после опознания убитых направлял повозки к их домам, чтобы местные старушки приготовили в последний путь своих сыновей или внуков. Старики же должны были за ночь найти доски и сделать гробы, что в безлесном крае было делом весьма трудным. И все это время, с момента подъема первой повозки к воротам станицы, на колокольне равномерно бил колокол, подавая всеобщий сигнал беды, посетившей станицу.

На следующий день в гробах у Михайло-Архангельской церкви, построенной в 1814 году, внутри ее оборонительной ограды лежали в окружении плачущих родственников и соседей казаки пятой сотни Кавказского полка:

1. Константин Бородин
2. Стефан Бычков
3. Мартын Братчиков
4. Григорий Воропаев
5. Даниил Воропаев
6. Абрам Громаков
7. Локтион Говоров
8. Андрей Дунаев
9. Федор Дилев
10. Константин Елизаров
11. Егор Евдокимов
12. Степан Каширин
13. Касьян Каширин
14. Федор Карягин
15. Терентий Коренев
16. Павел Кобелев
17. Алексей Леденев
18. Алексей Ловлин
19. Родион Малыхин
20. Марк Митин

21. Филипп Махортов
 22. Кондрат Махортов
 23. Михаил Мешняков
 24. Григорий Мешняков
 25. Павел Мешняков
 26. Алексей Мысев
 27. Ефим Никитин
 28. Кирей Нечаев
 29. Аким Новиков
 30. Филипп Пахомов
 31. Алексей Поздняков
 32. Трофим Сомов
 33. Дмитрий Стариков
 34. Антон Сечин
 35. Егор Шунин
 36. Петр Чаплыгин
 37. Кондрат Черкашинов
- (Госархив Краснодарского края, ф. 670, оп. 1, д. 5, л. 61)

По команде начальника станицы под сдавленные рыдания вдов и матерей казаков занесли в церковь и установили гробы в три шеренги, заняв тем самым половину храма, оставшуюся половину заполнили близкие родственники: осиротелые дети, братья, жены и родители. После окончания отпевания под погребальный звон колоколов гробы вынесли из храма и, построив в две шеренги, на руках понесли на восток по главной улице станицы - Красной. Траурную процессию сопровождал взвод казаков, срочно собранный с кордонов и отпусков, впереди которого шли два отставных трубача, играющие похоронный марш, изредка заглушаемый рыданиями казачек.

Братская могила была вырыта за Восточными воротами, недалеко от оборонительной ограды станицы. В нее и были уложены тела героев - линейцев, честно положивших жизнь свою на алтарь Отечества. Три залпа из ружей отдали им последнюю воинскую почесть. Могила была отмечена большим деревянным крестом, рядом с которым в последующие годы выросло Военное кладбище, где находили свое последнее упокоение как казаки, так и военнослужащие регулярных полков, погибшие в ходе Кавказской войны. Перед первой мировой войной местное начальство на месте братской могилы построило церковь во имя св.Георгия Победоносца, деньги на которую начали собирать еще с начала XX века.

Возвратимся в осень 1829 года. Командир Кавказского линейного полка майор Р. Васмунд, узнав от нарочного, что посланные им за Кубань казаки погибли, а их тела доставлены в станицу Казанскую, тут же направил за ними из станицы Тифлисской повозки с соломой, назначив в подводчики вооруженных парней и отставных казаков. Прибыв на церковную площадь Казанской, где на подводах лежали тела казаков, они после опознания своих одностаничников перенесли их на свои повозки и тронулись

домой. Как позже рассказывали очевидцы, опознать казаков было довольно трудно, так как лица многих казаков были сильно изрублены и к тому же покрыты запекшейся кровью.

В станицу Тифлисскую повозки с убитыми прибыли уже затемно 16 сентября. Печальная процессия, приблизившись к Восточным воротам станицы, по старинному обычаю дала о себе знать выстрелами вверх.

Как рассказывали старики по воспоминаниям своих дедов, погибших казаков ввиду позднего времени по распоряжению начальства сложили в часовне, что стояла рядом с Покровской церковью. Тем родственникам, кто успел к тому времени прибыть на площадь, было объявлено, что тела убитых выдадут им утром для приготовления их в последний путь. И казачки, плача, разошлись... А изрубленного и исколотого, но живого Климентия Дейкина либо передали на руки родственникам, либо направили в лазарет, где он вскоре и скончался.

В ту же ночь, с 16 на 17 сентября, в Тифлисской случилось происшествие. Под утро, когда запели первые петухи, караульные из числа малолеток, стоящие у часовни, вдруг услышали, как в ней кто-то застонал, а затем стал звать на помощь. Караульные вначале оробели - ожил покойник! А из часовни тем временем продолжала доноситься просьба о помощи. Оказалось, пришел в сознание казак Логвин Дейкин. Он выжил, и некоторое время проживал в своей станице.

Днем 17 сентября, после того как погибшие казаки были обмыты, переодеты в парадные черкески и уложены в гробы, их доставили в церковь для отпевания. Здесь, так же как в Казанской, гробы занесли в церковь, куда зашли и родственники с частью станичников. В ограде же церкви собрались все жители станицы, чтобы проводить погибших казаков в последний путь.

В Тифлисской, видимо, по причине размещения в ней штаба полка, похороны казаков были организованы более торжественно, чем в Казанской. После отпевания процессия выстроилась на площади и затем двинулась по нынешней ул. Первомайской к Полевым воротам, среди стенания и плача вдов и осиротелых детей при глубоком благоговейном молчании большой толпы станичников, стоящих с обнаженными головами. Под перезвон колоколов казаки несли 19 гробов, впереди - сотника Гречишкина. Следом ехал взвод казаков с обнаженными шашками, затем сотня донских казаков есаула Бирюкова, прибывшая к тому времени в станицу, и с ружьями "на плечо" две роты пехоты неустановленного пехотного полка. Шествие замыкали здоровенные артиллерийские битюги, тащившие две пушки с зарядными ящиками.

Старые историки почему-то ничего не сказали в своих работах, откуда появились в Тифлисской донцы и пехотные роты. На этот вопрос сейчас вообще трудно дать верный ответ, ибо первичные документы тех лет погибли, а свидетели тех трагических дней давно в мире ином. Можно только предположить, что сотня казаков

Бирюкова прибыла в Тифлисскую после того, как доставила в Казанскую тела погибших казаков, а пехоту привел из-за Кубани полковник Широкий.

Место для захоронения казаков в Тифлисской было выбрано командиром полка и стариками севернее Ставропольского тракта, где и были открыты у степного кургана четыре могилы: одна - для сотника, две по бокам от нее - для урядников: Евсея Москалева и Алексея Васильева. В ногах сотника в одну братскую могилу легли казаки:

1. Григорий Асеев
2. Никита Аскольский
3. Василий Васильев
4. Иван Васильев
5. Андрей Вишняков
6. Тимофей Дейкин
7. Василий Дулин
8. Савелий Дейкин
9. Иван Калашников 1-й
10. Иван Калашников 2-й
11. Яков Карпачев
12. Алексей Ковшаков 1-й
13. Алексей Ковшаков 2-й
14. Иосиф Лаптев
15. Яков Руднев
16. Афанасий Сабельников.

После того, как могилы были засыпаны, а деревянные кресты установлены, войска сделали три залпа, а пушки по три холостых выстрела.

Ни история, ни воспоминания старожилов не донесли до нас окончания этого печального для станицы дня - ведь почти два десятка семей лишились своих кормильцев. А так как по христианскому обычаю после похорон должны быть поминки, тем более по убиенным, то они, конечно, были. Вероятнее всего, что командир полка и старики решили делать поминки у станичного правления, ведь горе-то было общее для всей станицы. Помянув товарищей и станичников, казаки покидали поминальные столы и прежде, чем разойтись по домам, возможно, отошли к питейному дому и, став в круг, обнялись за плечи и запели:

*Пейте, братцы, пока пьется –
Пей, ума не пропивай.
На Кубани так ведется,
Горе жизни заливай.
Может, завтра в эту пору
Пушки громом загремят.
Пули с свистом, ядра с гулом
К нам в станицу прилетят.*

*Может, завтра в эту пору
К нам товарищи придут
Перед смертью распротиться,
Со слезами прочь уйдут.
Может, завтра в эту пору
Нас на бурках принесут
И опустят в мрачну нору, -
Вечну память пропоют.
Ой ты, маменька родная,
Не печалься обо мне.
Не один я, дорогая,
Умираю на войне.*

Долго еще шумели, оплакивая свое горе, казаки и казачки, а тем временем вокруг станицы продолжали нести сторожевую службу их товарищи, которым в очередь выпало в ту ночь караулить ворота или нести службу в залогах и разъездах. На другой же день роли их поменялись: кто-то, сменившись с наряда, выпил чарку за упокой убиенных казаков, а кто-то, зарядив ружье, занял его место. И вновь потекли суровые дни и годы, полные тревог и волнений, сопровождаемые то утратой имения, а то и самой жизни казаками - линейцами и их соседями - черноморцами, поставленными волею судьбы и царского правительства на охрану южных рубежей Российской империи.

Может быть, поэтому ни старые архивы, ни воспоминания современников не сохранили никаких сведений о том, проводились ли какие-либо следственные мероприятия по факту гибели казаков под командой Гречишкина. Были ли начальством оказаны льготы выжившим казакам и осиротевшим семьям? И вообще, опрашивались ли по горячим следам выжившие участники того героического боя для представления рапортов высшему начальству, тоже неизвестно. Скорее всего, это трагическое происшествие в те сложные годы местным командованием почиталось делом обычным, как сейчас говорят, «нормой жизни», поэтому и дошли до нас очень краткие, да к тому же еще и противоречивые сведения. Но к этому мы еще вернемся.

А тогда, в сентябре 1829 года, командование Правого фланга Кавказской линии, собрав несколько сотен казаков, в том числе и линейцев, переправило их через Кубань у станицы Казанской с приказом провести набег вдоль левых притоков реки Кубани. Какой ущерб нанесли казаки горцам - неизвестно, но известно, что князь Джембулат имел большие потери. Позже стало известно, что в одном из аулов, атакованных казаками, находился Сеид-Ахмед паша с отрядом турок, который при первых выстрелах ускакал на неоседланной лошади в горы, а его солдаты разбежались по лесам. Из другого же аула выбежала во время общей суматохи содержавшаяся там в плену дочь священника селения Незлобного, имя которой для нас не сохранилось.

На этом и закончился на Кубани суровый 1829 год, в котором только при отражении набегов и в стычках с горцами казаки и местная милиция, сформированная из мирных

горцев, потеряли убитыми двух офицеров и 148 рядовых, а за боевые заслуги на русско-турецком фронте казакам Кавказского линейного полка было пожаловано 27 знаков отличия Военного ордена, как в те годы называли высшую солдатскую награду, которая позже будет называться проще - Георгиевский крест.

Сохранились сведения, что князь Джембулат, понеся значительные потери от карательного набега казаков, решительно пересмотрел свое отношение к продолжению Кавказской войны. Может, он испытывал угрызения совести, что был участником убийства своего кунака. А может, надоела совершенно бесперспективная для горцев война, грозящая им только разорением. Будучи смелым в своих поступках и решениях, он прекратил набеги и стал на сторону мирных горцев. Выступая против продолжения войны, он в конце сентября 1831 года сообщил уже известному нам подполковнику Э. Васмунду, который был к тому времени переведен на новую должность, что партия горцев в полтысячи воинов готовится напасть на аулы мирных горцев у станицы Убеженской. Сделав распоряжение по охране линии, Э. Васмунд с небольшим отрядом казаков выехал в станицу в первых числах октября, чтобы организовать там взаимодействие казаков с местной милицией в обороне против нападения горцев.

После встречи с начальником станицы и переговоров со старейшинами мирных аулов Э. Васмунд решил на другой день возвратиться в свою штаб-квартиру. Утром, часов в 9, когда туман только начал рассеиваться, он выехал за ворота станицы и тут же был атакован большой толпой горцев. Видя, что кучке казаков не устоять, Э. Васмунд, резко поворачив коня, успел с казаками заскочить в распахнутые для него ворота. К несчастью, на плечах казаков в ворота ворвались и горцы, которые тут же начали грабить и поджигать станичные хаты. Э. Васмунду удалось быстро собрать вокруг себя местных казаков и готовый к действию резерв. Прикрываясь дымом горевших хат, казаки перестреляли часть грабителей, а когда они с награбленным добром начали отходить к воротам, атаковали горцев в конном строю, заставив их бежать за оборонительную ограду станицы. Преследовать Э. Васмунд горцев не стал из-за малочисленности защитников станицы, которые в основном состояли из малолеток и отставных казаков. Приказав закрыть ворота, он, подбодрив свое сборное разновозрастное "войско", сел в оборону и приступил к тушению пожаров.

В то же время другая толпа горцев нарушила линию в другом месте. "Тригориполисскую станицу постигла более печальная участь, чем станицу Убеженскую. Станица была захвачена горцами врасплох. Горцы взяли в плен 56 мужчин и 103 женщины и, кроме этого, убили 10 мужчин и 1 женщину, ранили 8 мужчин и 4 женщины. Рогатого скота было угнано из станицы 2045 голов. Сами же горцы потеряли в станице только 13 убитых" (Ф.Щербина. История Кубанского казачьего войска. Т.2. Екатеринодар 1913 С. 397). Не прекращались набеги горцев на линию и в 1832 году. Из дошедшего до нас рапорта есаула Хрулева подполковнику Васмунду от 23 октября, горцы в ненастную ночь, пользуясь оплошностью кордонной стражи, перешли вброд Кубань и до утра укрывались в камышах у станицы Ладогской. Утром, в 8-м часу, когда караульные открыли Речные ворота и часть

жителей с бочками выехали по воду, горцы атаковали станицу. Казаки, бросив скот и бочки, побежали к воротам, но с ними в станицу ворвались и горцы. Однако поручик Навагинского полка, собрав примерно 60 солдат, встретил их залпом и, положив на землю 12 нападавших, штыками выгнал их за Речные ворота. В то же время другая толпа атаковала Тифлиссские ворота, но караульные казаки, убив 6 горцев, отбили нападение. У других ворот горцы потеряли еще 12 человек и стали отходить к Кубани. К этому времени станичные артиллеристы открыли огонь из пушек - картечью по прибрежным камышам и бродам. Как позже рассказывали горцы, они потеряли в станице 49 человек. И последующие набеги того года для горцев были неудачны, что говорит о том, что бывшие крестьяне, превратившись после переселения на линию в казаков, пройдя суровую школу, научились воевать.

ЭПИЛОГ

В 1832 году с целью лучшего руководства линейными казачьими полками высшее командование приняло решение свести все полки - Кавказский, Кубанский и Хоперский - в Кавказское линейное войско, под команду наказного атамана с подчинением командиру отдельного Кавказского корпуса. До этого каждый полк жил самостоятельно и обособленно, с определенной земельной территорией и своими полковыми интересами. Связь между полками хотя и была, но чисто внешняя, и единого управления полками не было.

Это решение оставляло в неприкосновенности почти все доходы, владение землей, управление станицами и внутри полков, но вводило в новом войске хозяина в лице наказного атамана, обязанного охранять и отстаивать интересы казачьего общества, несущего пограничную службу.

Первым наказным атаманом Кавказского линейного войска был назначен генерал-майор Петр Семенович Верзилин, боевой и опытный военачальник, бывший гусар и командир Волгского казачьего полка. Это в его доме, что и ныне сохранился в г. Пятигорске, летом 1841 года произошла трагическая ссора поэта М. Ю. Лермонтова с Н. С. Мартыновым, окончившаяся дуэлью и смертью поэта.

История не сохранила сведений, генерал ли П. С. Верзилин или кто-то другой стал инициатором возбуждения памяти героического подвига казаков Кавказского полка 15 сентября 1829 года, но командир Кавказского полка получил приказ доложить в штаб войска все, что ему известно об этом подвиге. Командир полка, в свою очередь, запросил об этом начальников Казанской и Тифлиссской станиц.

Что отрапортовал начальник станицы Тифлиссской - кануло в Лету, но текст рапорта начальника станицы Казанской от 20 апреля 1835 года за № 220 сохранился:

«1829 года сентября 15 числа сотник Гречишкин с 63 человеками казаков станиц Казанской и Тифлиссской, бывшими за рекой Кубанью против станицы. Казанской от

Кубани в верстах 20, заметя в степи неприятеля, отдал следующими словами приказ: **«Ребята, команда наша невелика, имеем в виду неприятеля в десяти крат сильнее, мы должны помнить присягу, не щадить жизни до последней капли крови. С конь долой! На сем месте остаться не побежденным, но честь и хвала ожидает Кавказских казаков, если будем побиты, то потомки наши на сем месте отомстят врагам нашим и скажут про предков своих: встань, слава, к будь мертва!»**. Вскоре за сим приказанием неприятель настиг нас, начал перестрелку, атаковал со всех сторон казаков, и перестрелка была более 6 часов, когда был ранен сотник Гречишкин, а из неприятельской стороны вождь горских разбойников князь Джембулат, то Джембулат предлагал, чтобы казаки положили оружие и сдались в плен, а сотник Гречишкин говорил: **«За стыд и порок должны почитать казаки отдаться живыми в плен, приятнее смерть честью, нежели жизнь бесчестная»**, за сими переговорами горцы более 700 человек сделали с ружей залп, бросились с обнаженными пашками и кинжалами на казаков, мгновенно умертвили всех, на месте сражения мертвые тела и оставшиеся в живых, плавая в крови своей, оставались до утра 16 сентября, поутру, пред восходом солнца, прибыл с командой и орудием есаул Бирюков, забрал тела и некоторых при последнем издыхании, из числа коих ныне два казака в Казанской и два в Тифлисской станице, творящему ныне чудеса Богу благодарение, в живых находятся.

Вашему Высокоблагородию о сем донося, при сем имею честь представить помянутых двух: первого служивого, второго отставного казаков, которые сию истину подтвердят Вашему Высокоблагородию лично»
(1 ГАКК, ф. 670, оп. 1, д. 5. С. 24).

Подписи под копией этого рапорта не было, поэтому установить личность начальника станицы не удалось.

Из этого рапорта видно, что в 1835 году в живых еще оставалось четверо казаков, фамилии которых нам уже известны. Из Казанской на представление командиру Кавказского линейного полка были направлены казаки Василий Русинов и Зиновий Пахомов, но кто из них еще продолжал служить, а кто из-за увечий находился в отставке, начальник станицы не указал.

В начале нашего века священник Н.Т.Михайлов, автор "Справочника по Ставропольской епархии", изданного в Екатеринодаре в 1911 году, упоминая этих казаков, отметил, что жили они "оба до глубокой старости и недавно умерли". И это несмотря на многочисленные ранения!

Современному жителю Кубани сейчас трудно представить, как в длинные зимние вечера, когда в нашем крае еще не знали даже керосиновых ламп, когда не было ни клубов, ни библиотек, собирались казаки в станичном правлении или в какой-нибудь просторной хате для дружеской беседы. И тогда просили они кого-нибудь из стариков рассказать о своем боевом прошлом, воскресить в своей памяти все отдельные

эпизоды стычек с неприятелем. А молодые казаки и малолетки, забившись по углам комнаты, с жадностью вслушивались в речь стариков и заслуженных казаков.

Слушали и мысленно давали обещание своему роду казачьему и всем землякам-станичникам не посрамить славы казачьей, если судьба поставит их перед такими же испытаниями, через которые прошли в разные годы, сидящие кружком седоголовые казаки, увешанные боевыми наградами.

Получив рапорта от начальников станиц о бое Гречишкина, командир Кавказского линейного полка направил свой рапорт генералу П.С.Верзилину, который, в свою очередь, обратился к командиру отдельного Кавказского корпуса генерал-адъютанту Г.В.Розену с просьбой о награждении уцелевших казаков отличиями, достойными их подвига. Делу был дан ход, и в 1837 году по высочайшему приказу казакам станицы Казанской Василию Русинovu и Зиновию Пахомову и казакам станицы Тифлисской Анисиму Сабельникову и Никите Аскольскому были пожалованы солдатские Георгиевские кресты IV степени. Вдове же сотника Гречишкина Фекле Сергеевне была пожалована от казны годовая пенсия в 550 рублей ассигнациями, сумма по тем временам довольно значительная.

Приведенные выше списки казаков, похороненных в станицах Казанской и Тифлисской, принадлежат перу известного на Кубани еще в начале нашего века историка-краеведа казака станицы Кавказской отставного войскового старшины А.Д. Ламонова, ветерана 1 -го Кавказского наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка Кубанского казачьего войска. Будучи местным уроженцем, он хорошо знал быт линейных станиц и имел возможности на рубеже веков осмотреть их архивы, которые в те годы находились еще в относительно неплохом состоянии. Изучая горы полуистлевших бумаг, обрывки донесений и рапортов, а то и записанных неизвестными грамотеями воспоминаний, Ламонов и составил уже знакомые нам списки погибших казаков.

Думаю, что и у него были в этом трудности, ибо первоначального списка казаков, ушедших за Кубань с Гречишкиным, он не нашел, сколько попало в плен - не установил, а отсюда и пошла путаница, как с числом погибших казаков, так и с их именами-фамилиями. Примером служит фундаментальный труд войскового архивариуса есаула И. Кияшко «Именной список генералов, штаб- и обер-офицеров, старшин, нижних чинов и жителей Кубанского казачьего войска, убитых, умерших от ран и без вести пропавших в сражениях и перестрелках с 1788 по 1908 год. Екатеринодар, 1911 г».

Здесь на стр. 104 он приводит свой список погибших казаков 15 сентября 1829 года, который несколько отличается от списков А.Д. Ламонова. Думаю, что тут дело в том, что сам И. Кияшко в архивах станиц не работал, а только обработал присланные ему списки, составленные писарями согласно циркулярному письму наказного атамана Кубанского казачьего войска № 87 от 27 мая 1908 года. Вот они:

похоронены в станице КАЗАНСКОЙ:

1. Иван Агибайлов
2. Дмитрий Бабанин
3. Василий Бочаров
4. Антон Валуйский
5. Авраам Громаков
6. Даниил Валуйский
7. Стефан Горбунов
8. Федор Дылев
9. Елистрат Елизаров
10. Михаил Коренев
11. Терентий Кудрявцев
12. Касьян Каширинов
13. Стефан Каширинов
14. Павел Кобелев
15. Егор Кобелев
16. Мартын Комеревцев
17. Родион Канунников
18. Павел Козилов
19. Алексей Леденев
20. Марк Митин
21. Никита Малыхин
22. Родион Малыхин
23. Антон Махортов
24. Филипп Махортов
25. Антон Мешников
26. Ефим Никитин
27. Филипп Пахомов
28. Григорий Селихов
29. Антон Сечин
30. Трофим Сомов
31. Иван Савелов
32. Кондрат Шунин
33. Григорий Шунин
34. Петр Чаплыгин

похоронены в станице ТИФЛИССКОЙ:

Урядники: Евсей Москалев и Василий Васильев.

Казаки:

1. Григорий Асеев
2. Никита Аскольский
3. Иван Васильев
4. Меркурий Гречишкин
5. Тимофей Дейкин
6. Федот Дудин

7. Климентий Дейкин
8. Иван Калашников
9. Иван Кустов
10. Савелий Ковшиков
11. Павел Ковшиков
12. Федор Корпачев
13. Иосиф Лаптев
14. Яков Руднев
15. Иван Самойлов
16. Савелий Соловьев
17. Андрей Стрельников
18. Анисим Сабельников

Можно заметить, что в последний список попали два казака, которые после достопамятного боя остались живы и были пожалованы в георгиевские кавалеры. Как они сюда попали? Может быть, их позже подхоронили в братскую могилу? Если так, то почему тут нет фамилии Логвина Дейкина?

Думаю, что эти списки были составлены И. Кияшко не только по сведениям, сохранившимся в архивах, но и из поминальников, хранящихся в станичных храмах, в которые попали имена казаков, погибших в других сражениях. Какую-то роль тут сыграли и воспоминания родственников погибших казаков или просто старожилов, свидетелей тех суровых лет.

А.Д. Ламонов при составлении списков тоже использовал, кроме документов, и воспоминания свидетелей тех лет. Так, он расспрашивал 75-летнего казака станицы Казанской Акима Дунаева, который по молодости в том бою участия не принимал, но на подводе ездил за погибшими казаками. И показал место, где казаки Гречишкина приняли свой последний бой. Интересно то, что А.Дунаев был знаком с уже известным нам узденем Ханушем, который, как и его князь Джембулат, стал мирным горцем и в Турцию не выехал. Будучи уже ветхим старцем, он проживал в своем мирном ауле, жители которого приняли российское подданство.

Заканчивая описание этих списков, можно сказать, что, несмотря на некоторую путаницу и неточности, всех казаков, в них попавших, мы должны почитать как героев линейного казачества, вполне достойных, чтобы имена их остались в памяти потомков.

Над станицами Старой линии неустанно пролетали годы.

Жизнь брала свое: старое поколение уходило, новое приходило, одно начальство сменялось другим, а на могиле сотника Гречишкина и его казаков стояли простые кресты из местного дерева. Были ли на них сделаны какие-нибудь надписи, этого установить не удалось. Возможно, что и были. Позже рядом с могилами казаков Гречишкина стали хоронить и других казаков, погибших при обороне станицы или в

ее окрестностях. Хоронили здесь и военнослужащих регулярных полков Российской армии. Так со временем и выросло здесь Военное кладбище.

Известно, что на этом кладбище были похоронены унтер-офицер Белобецкий и 18 рядовых Кавказского третьего линейного батальона, погибших 3 августа 1841 года на Песчаном броде через речку Степной Зеленчук, в версте от места гибели Гречишкина с казаками. Белобецкий с командой сопровождал больных солдат из Темиргоевского укрепления (ныне станица) в войсковой лазарет, и как только его телеги спустились в реку, на него напали горцы. Сколько при этом попало в плен больных, и были ли они вообще взяты в плен - неизвестно. Станичный архив сохранил также сведения о захоронении на Военном кладбище местного сотника Полушкина, погибшего 9 мая 1843 года, но где и при каких обстоятельствах, выяснить не удалось. Всего, по рассказам старожил, на Военном кладбище нашли свое упокоение 5 офицеров и 84 нижних чина - казаков и солдат, фамилии которых были уже забыты к концу прошлого века.

А причиной этому было то, как отметил старый историк, что «казачество, постоянно занятое службой, жившее среди тревог и опасностей в нужде и заботах, малограмотное, больше работало шашкой и винтовкой, нежели пером, отчего наши архивы скудны материалами о жизни и деятельности линейных казаков. Полковые командиры доносили начальству только о чрезвычайных происшествиях и событиях большой важности; о меньших случаях в боевой жизни казака и схватках на кордонных постах умалчивали, ибо смотрели на них, как на явление обыкновенное, как на простой порядок вещей».

В один из теплых дней конца 1837 "года наказной атаман Кавказского линейного войска генерал-майор Степан Степанович Николаев, сменивший генерала П.С.Верзилина, проезжал по Ставропольскому шляху с целью осмотра линейных станиц и состояния кордонных постов. Будучи донским казаком, он участвовал в войне 1812 года, брал Париж, в Польше командовал полком, много лет служил на Кавказе. Получив должность походного атамана донских казачьих полков на Кавказе, он спустя год был назначен атаманом. Время показало, что генерал Николаев народа не чурался, был доступен и своей справедливостью, и заботливостью о благосостоянии вверенного ему войска оставил по себе в линейных станицах добрую память.

Не доезжая до станицы Тифлисской, генерал осмотрел Тифлисский пост, затем в сопровождении конвоя направился к Казанским воротам станицы, где уже толпились встречающие его казаки и казачки, перед которыми стояла шеренга стариков, сверкающая крестами и медалями.

Начальник станицы отрапортовал атаману о состоянии вверенной ему станицы и вручил докладную записку. Подав руку начальнику станицы, атаман подошел к старикам, замершим в строю.

- Здорово живете, станишники! - крикнул он старинное донское приветствие.

- Здравия желаем Вашему превосходительству! - было ему ответом.

Обойдя строй, генерал снял фуражку и, подойдя к толпе, весело со всеми поздоровался, получив многоголосый ответ с пожеланием здоровья и приглашением в гости.

После осмотра центральной части станицы и стоящих вокруг церковной площади полковых строений генерал Николаев направился в станицу Ладогскую. Выехав через Полевые ворота в степь, он осмотрел Военное кладбище и обратил внимание местного начальства на почерневший от времени и непогоды деревянный крест на могиле сотника Гречишкина. Горестно покачав головой, он укорил их за пренебрежение к памяти героев-казаков, показавших пример верности присяге, вере и Отечеству.

Результат не замедлил сказаться. Вскоре на могиле Гречишкина был установлен кирпичный обелиск с кованым железным крестом ажурной формы. Были заменены кресты и на могилах казаков. Видимо, после этого у жителей Тифлисской зародился ритуал проводов молодых казаков на службу, и вообще всех казаков при походах в чужие земли, у могил казаков-героев 1829 года. Здесь они слушали молебен, а затем, после напутствия станичного начальства, получали от родителей благословение и пожелания станичников служить честно и храбро, затем в добром здравии возвратиться в родную станицу. Какое было при этом у казаков, уходящих из станицы, настроение, говорит неизвестно кем сложенная песня:

*За Кубанью огни горят,
Над полями дымно.
Пошли наши козаченьки -
Чуть папахи видно.
Пылью серою косматой
Покрыты погоны.
Остаются наши хаты,
Молодые жены.*

В один из летних дней 1863 года через станицу Тифлисскую проезжал наказной атаман Кубанского казачьего войска и начальник Кубанской области генерал-лейтенант граф Ф. Н. Сумароков-Эльстон, который с первых дней своей деятельности обратил особое внимание на укрепление внутренней жизни Кубанской области, развитие которой тормозила долголетняя Кавказская война, а так как военные действия шли к концу, то новый атаман и направил все силы населения на развитие земледелия, скотоводства, торговли и народного образования.

Новый атаман осмотрел у станицы и Военное кладбище. Покидая кладбище, заметил, что деревянный крест, установленный на братской могиле казаков, не соответствует величию их подвига. Сделав по этому случаю замечание станичному начальству, он

тут же пожертвовал на строительство каменной часовни 300 рублей, сумму по тем временам значительную.

Подряд на строительство часовни, под которой должны были покоиться казаки Гречишкина, взял отставной урядник Семен Афанасьевич Карягин. Закупив «ставропольский» камень, он нанял каменщиков, которые и сложили часовню.

Старая фотография, сделанная в 1899 году известным историком-краеведом войсковым старшиной Е.Д. Фелициным, доносит до нас внешний вид той часовни. Очень простая по форме, два окна, дверь на юг в сторону Ставропольского шляха. По рассказам старожилов, внутри была икона с лампадой, за которой следил специальный человек, нанятый обществом, последним из них, возможно, до 1920 года, был Михаил Афанасьевич Асеев.

Закончил он свое богоугодное дело тогда, когда станица, как и вся Кубань, уже была расколота на два непримиримых социальных лагеря.

Подлинник этой фотографии, заверенный подписью станичного атамана Ивана Афанасьевича Карягина, с приложением печати хранится в Краснодарском государственном историко-археологическом музее-заповеднике. Однако странно, что ни сам Е.Д. Фелицин, ни атаман станицы ничего не сказали об отставном казаке, стоящем с ружьем в руках у дверной часовни. Тут историческая память как бы оборвалась, ибо этот ветеран, хотя и георгиевский кавалер, остался для истории неизвестным.

Из работы священника Н. Т. Михайлова известно, что в год, когда была сделана фотография часовни, казаки станицы Казанской Василий Русинов и Зиновий Пахомов были еще живы. Об их соратниках из станицы Тифлисской Анисиме Сабельникове и Никите Аскольском ничего не известно. Скончались ли они к тому времени или еще были живы? Все они были георгиевскими кавалерами, как и стоящий у часовни казак, и очень возможно, это был кто-то из упомянутых выше казаков-героев.

Старожилы рассказывали директору местного народного музея А. М. Зеленковой, что после строительства часовня была окружена посадкой молодых деревьев и забором, вначале деревянным, а позже - железным. У западной стены часовни находилась каменная плита с надписью о подвиге казаков Гречишкина (текст утрачен), а рядом на каменной тумбе лежал ствол старинной медной пушки, которая была на вооружении Тифлисского редута, а позже до конца Кавказской войны стояла на одном из барбетов оборонительного вала Тифлисской.

Ежегодно церковный притч на Рождество (7 ноября ст.ст.) и 14 сентября (начало похода Гречишкина) служил у часовни панихиду, после которой отставные артиллеристы палили из пушки холостыми зарядами. На эти торжественные мероприятия собиралась вся станица, чтобы помянуть отцов-дедов, положивших жизнь свою на алтарь Отечества. Таким образом, часовня с некрополем стали

средством воспитания у казачьей молодежи чувства гордости за своих предков, патриотизма и воинской доблести.

С приходом советской власти Военное кладбище было заброшено, ибо рухнули обычаи и традиции, на основании которых оно поддерживалось. Это позволило пришлому населению раз грабить и разрушить могилы «царских слуг». В 1934 году воинствующими безбожниками под руководством председателя Совета станицы, иногороднего Назара Добренко, была разрушена часовня на бывшем Военном кладбище. Убрали и пушку, защищавшую «царских слуг», ствол которой был отвезен в город Кропоткин. Ныне она хранится в историко-краеведческом музее как безликая и безымянная пушка времен русско-турецких войн.

Пушка с могилы сотника Гречишкина и его казаков

Позднее, уже после Великой Отечественной войны, в станице Казанской также был разрушен храм, под которым находилась братская могила казаков Гречишкина, и уничтожено Военное кладбище, на месте которого было устроено самодельное футбольное поле.

Прошло несколько лет, и местные власти станицы Тифлисской снесли Военное кладбище, разбив на его месте парк, ибо другого более подходящего места в станице не нашлось. Это мерзкое дело было сделано быстро: кресты свалили, могильные холмики разровняли, и осталась о казаках и солдатах России только память, которую сильно укоротили в годы Богом проклятых репрессий -расказачиваний. И только железнодорожная станция, получившая свое наименование в 1902 году - Гречишкино - напоминала о том, что некогда жил в станице Тифлисской казачий офицер Андрей Леонтьевич Гречишкин, отдавший свою жизнь с группой казаков за веру православную и величие своего Отечества.

После Великой Отечественной войны 1941 - 1945 гг. местные власти решили на месте Военного кладбища поставить увеселительные аттракционы, ибо опять другого места не нашли. Не мудрствуя лукаво, они на могилах казаков построили танцевальную площадку, чтобы молодежь могла отплясывать иноземные танцы на костях своих

прадедов. Позже, при реконструкции парка культуры (?) и отдыха им. В.И. Ленина, эту площадку, слава Богу, перенесли восточнее. Взамен же построили тир, кафе, колесо обозрения, конечно, памятник В. И. Ленину. Лучшего места, как на казачьих костях, для этого памятника тоже не нашлось. Рядом была построена автостанция, своей сутолокой тоже активно «оживляющая» историческое место, которое некогда называлось Военным кладбищем станции Тифлисской.

Не так уж давно руками школьников местной средней школы № 6 по указанию районного исполнительного комитета был срыт Тифлисский редут, построенный руками русских солдат в 1788 году, в котором все годы Кавказской войны размещался Тифлисский пост. Знали бы учителя и ученики, что они своими руками вырвали еще одну страницу из истории Кубани, и, в частности, о родной станице. И ныне только когда-то сделанная автором этой работы фотография напоминает о том, что на месте запущенного сквера возвышались валы и батарея одного из исторических памятников Кубани.

В 1990 году, 27 мая, на месте Военного кладбища была отслужена панихида по погибшим казакам и солдатам в годы Кавказской войны, организован сбор средств на восстановление часовни. Основную сумму на это богоугодное дело выделила администрация района, она же выделила деньги и на отливку двух пушек. Часовня построена.

Памятный крест на месте последнего боя казаков

И ныне путники видят на бывшем Военном кладбище часовню из красного кирпича, похожую на часовню, недавно поставленную у места, где некогда стоял в Екатеринодаре войсковой собор во имя Александра Невского.

Ее торжественное освящение состоялось в присутствии казаков станичного казачьего общества, администрации района, представителей казачества других районов, делегации краевого центра и при большом стечении жителей станицы и ближайших населенных пунктов.

И если в станице Тбилисской общественность, казачество и власти смогли поставить в память казаков - линейцев часовню, то в станице Казанской смогли поставить на братской могиле казаков пока только железный крест.

Описав один из эпизодов Кавказской войны, автор не взял на себя смелость раскрыть ее истоки и итоги, об этом и так уже написаны горы литературы, причем с разных точек зрения. Прошлого не вернуть, но из того, что было, хорошего или плохого, нужно извлечь полезные уроки.

Ныне на Кавказе, как только политики развалили СССР, демократия позволила сразу же вспыхнуть кровавым национальным конфликтам: Сумгаит, Карабах, Абхазия, Чечня и т.д. И везде горе простых людей... А ведь Кавказ - общая родина всех живущих здесь народов, которые все должны иметь равные права и обязанности.

И очень важно для людей, чтобы народы Кавказа, следуя старым традициям гостеприимства, жили в мире и взаимном уважении, а не искали врага, как это пытаются делать некоторые наши современники.

Если современная интеллигенция всех народов-соседей, заменив эмоции здравым смыслом, будет совместно с простыми людьми твердо и мужественно поддерживать дружбу между народами, то благополучие в южных регионах России будет обеспечено.

Мы разные, но земля у нас одна, и никуда от этого не уйдем, ибо история так переплела наши судьбы, что нам остается только одно - жить в мире и согласии.

В наступившие годы беспамятства, когда кино и телевидение забиты иностранщиной, насилием и развратом, данная работа есть попытка пробудить как бы задремавшую историческую память, пробудить - и тем отдать в какой-то мере должное тем, кто некогда жил в станицах Старой линии и Черномории, кто пахал землю, растил скот, охранял государственную границу, а когда пришло время, верный присяге, умер с оружием в руках, защищая государственные интересы России.

Виктор Александрович Соловьев